

*Посвящается Роберту Савельеву, являющемуся моей музой и двигателем создания
данного рассказа*

Заходит как-то Геде Нибо в бар.

Кровь ихором, а лютней — песня звучала словно бы в его голове. Вечная песня о вечной молодости, о вечной смерти и вечном голоде по жизни.

В его груди жила вечная боль, и поэтому он был весел.

Всё переливается и искрится теплом — которое никогда больше ему не почувствовать.

Геде Нибо идёт навстречу свету, но никак не может дотянуться до него — лишь отблески доступны теперь. Лишь отблески льда внутри его бокала с виски.

Он подходит к барной стойке и заказывает вышеупомянутый горячительный напиток.

Бармен, кивая, и по сути даже не нуждаясь в озвучивании заказа — Геде Нибо не первый раз здесь, и не последний, принимается за работу.

Бар был большим и уютным, с некой толикой бушующего пьянства и вечерних драк.

Некоторые столы и правда познали здесь не одну стычку, и пару раз Нибо сам в них участвовал. Молодость, навсегда сцапавшая его в свои сети, бурлила в нем, сколько бы лет он не прожил — он оставался молодым. И веселым. И безумным.

Страхи и терзания, преследовавшие его при жизни, оставались где-то глубоко внутри, не давая продыху, но он прогонял эти ощущения выпивкой, сражениями и кровью.

Кровь была для него словно виски — такая же горячая и обжигающая горло.

Когда юноша дожидается готовности заказа, он берет стакан и направляется в сторону стола, спрятанного будто бы нарочно в тени — стола, за которым они собирались из века в век.

Есть истории, которые слагают о богах и героях и поют о них прекрасные песни на лютнях и кифарах. Но некоторые истории рождены из тьмы. Герои гибнут, а секреты остаются неразгаданными, и льётся кровь. Их рассказывают в назидание смертным, пугают детей страшными сказками и шепчут в полночи, спасаясь рассветом.

Такие истории и собрались в этом баре, тонущие и манящие, зовущие за собой на дно.

Истории богов смерти, погребения и хаоса.

Настоящие истории. Ихором и пеплом. Лики смерти.

Это они.

За столом собрались несколько не-людей, существ выше них. Боги. Те, кто снисходит своим вниманием до смертных в редких случаях, лукаво улыбаясь и тая за своей улыбкой жестокость и сумасшествие высшего разума.

Он ставит бокал на стол и, слегка поклонившись присутствующим с легкой ироничной улыбкой, садится рядом. Вокруг их уголка гомон заведения будто стихает, словно тыходишь в другой мир, отрезанный стеной холода и тишины. Свет падает на лица и с тем же они будто бы остаются в тени — такой эффект создает магия, окружающая их мир и их судьбы крепкими узами брака.

— Приветствую вас, друзья, — наконец произносит один из них, мужчина с черной бородой и аккуратно убранными в хвост длинными темными волосами. Одет он был в хитон, закрепленный на груди символом Плутона. Он слегка наклоняется вперед, отпивает из своего стакана и вновь обводит взглядом присутствующих. Аид. Божество Царства мертвых у греков. Забавный народ, полный воинственности, и с тем же лености и любви к пиршествам и гулянкам, сламливающим на пути все живое и оставляя за собой длинный след свежей крови.

— Наконец-то мы вновь собрались все вместе. Где Нибо, — здоровается с ним Аид, — Как всегда пунктуален, — саркастично замечает бог и, не найдя на лице духа сожалений, продолжает. — Кто сегодня начнет?

Кто-то зевает, другие качают головами и пьют свои напитки. Нибо привык внимательно слушать — рассказчика в нем нужно пробудить, а начинать вечеринку сам он не привык.

Только с мертвыми.

А тут ведь такие же, как и он. Не мертвецы. Или не совсем они.

Аид глухо рычит и качает головой.

В этот момент Нибо замечает легкое движение поднятой руки: это Анубис, принимающий сейчас привычный облик человека с собачьей головой, обратил на себя внимание.

Аид выдыхает и приглашающе обводит рукой стол, попросив бога начинать.

Где Нибо наклоняется чуть в сторону, стуча пальцами по стакану. Он готов был слушать их истории: все как обычно, рассказы из их собственных жизней и опыта, приправленные острыми замечаниями и смехом.

— Жил в мире однажды фараон, который мечтал после смерти получить достойную загробную жизнь. Он возвел гигантскую пирамиду в свою честь, не забывал и о жертвоприношении.

В этот момент его прерывает Нергал, выглядящий как типичный аккадец, хтонический бог.

— Строить храмы надо во имя богов, а не во имя себя и своей жизни или смерти.

Анубис благосклонно кивает.

— В общем, человек был поглощён мечтой о смерти всю свою жизнь.

Он потратил сотни человеческих жизней рабов и слуг, возвел на алтарь жизни животных и даров природы. И все умолял, и верил: ему будет дана великая смерть полная наслаждений и уюта когда настанет его час прощаться с миром живых. Не жаждал ли он наступления этого момента? Не променял ли все время, отданное на жизнь, подготовке к смерти?

Анубис вздохнул, а затем оскалился в улыбке. Его песьи глаза одновременно выглядели мудрыми и хитрыми.

— И все же настал час его суда. Я взвесил его сердце и тяжелее пера оно было. Тогда я повернулся к нему и сказал: ты так возлюбил смерть в лице своем, что проведешь там остаток вечности. Я заточил фараона вечно гнить в воздвигнутой ему же пирамиде, и он умолял меня и рыдал простить его и дать ещё шанс. Но шанс длиною в жизнь уже был ему дан. Не слишком ли много...

Анубис замолчал, постучав по полу посохом, и все глубоко выдохнули.

— Ну как, друзья, достойна эта история звания победой смерти над жизнью?

Все подняли бокалы в воздух. Кивнув, мы выпили.

— Великолепная история, Анубис. Удивлен, что не слышал ее раньше, — кивнул ему Аид.

— У меня много историй, и все они о взвешивании смерти и жизни на моих весах. Такова моя работа.

Геде Нибо задумчиво кивнул, ставя стакан на стол и обводя взглядом других гостей. Хель едва заметно улыбалась краешком губ там, где они были: вторая часть ее лица была лишь голым скелетом; а Нергал поглаживал стрекочущих змей у своих ног.

— Тогда я буду следующим рассказчиком, — Аид выждал мгновение, и затем забасил:

— А история эта известна, должно быть, каждому из вас. Но тем не менее, она не перестает трогать души мертвых и живых...

На этом моменте все собравшиеся застонали. Без сомнения — он собирался рассказать об Орфее и Эвредике. Аид рассказывал эту историю сотни раз, будто бы забывая, что говорил о ней ранее. Но никто не смел его перебивать.

— История о прекрасной любви и трагичной потере. Орфей, прекрасный юноша-музыкант, влюбился в прекрасную Эвредиду, и отправились они вместе на отдых. Все бы ничего, если бы не укусила девушку змея, и не попала бы она в мое царство. Конечно, юноша был безутешен, сбегались звери на его отчаянное пение, так

сильна была горечь его потери. Наконец, Орфей решил спуститься в Подземное царство. Он сыграл мне свою песню о любви, и так она меня тронула... Я смотрел на свою жену, Персефону, и проникался его духом любви и преданности. Потому я разрешил юноше вернуть девушку на землю. Но было одно единственное условие... — Не оборачиваться, — сказали сразу несколько богов одновременно. Аид кивнул, подняв указательный палец вверх. — Верно, даже вы это запомнили. А Орфей, кажется, нет. Он обернулся, поскольку чувствовал за спиной присутствие любимой, и навсегда растворилась Эвредика в Царстве мертвых.

Нибо вяло похлопал рассказу. Аид оглядел присутствующих.

— Несомненно, здесь победу одержала смерть, а не любовь. Смерть сильнее любви, только смерть.

— Вряд ли, дорогой Аид, ты прав здесь, — осмелилась поднять голос спокойная Хель.

— Поскольку он страдал и помнил об Эвредике всю оставшуюся жизнь. Я думаю, смерть — часть любви, а не сильнее её.

Аид задумчиво склонил голову на бок.

Хель грациозно подняла руку. Ни ее лицо, ни змей вокруг Нергала, ни истинного облика Анубиса не могли видеть смертные, но видели другие боги. Половина лица и тела девушки были мертвы: лишь кости поблескивали в слабом огне свечей.

— Бальдр. Красавец, излучающий свет и теплоту, любимец семьи. Лишь одно существо не могло выносить популярности Бальдра: мой отец Локи. Один услышал пророчество о том, что Бальдр умрет от руки собственного брата, но их мать Фригг придумала способ избежать ужасного предсказания. Обошла она все девять миров и со всех существ и растений взяла клятву никогда не навредить ее сыну. Но Локи прознал, что омела не дала клятву Фригг, в таком переполохе вполне можно забыть о такой мелочи. И вот, боги веселятся, мечут в защищенного от всего Бальдра копья и луки, но Локи подсовывает слепому Хёду пруттик из омелы, лишь небольшую щепку: и Бальдр падает замертво, ведь омела угодила точно в сердце.

На этом в историю вступаю я. Я согласилась отпустить Бальдра в мир мертвых, как они страдоуственно того просили, но при условии, что все живое и мертвое во всех мирах станет оплакивать его. И это почти удалось, только вот Локи, обратившись великаншей, отказался от просьбы. Таким образом Бальдр навсегда остался в Царстве мертвых рядом со мной.

Молчание, нависшее над богами после истории, нарушил Нергал.

— И как, по вашему, здесь одержала верх смерть?

— По сути, Локи-трикстер сделал все за нас. Тут есть перекличания с историей Аида, о том, как властитель Царства мертвых отпускает душу назад в мир живых, но живые не выполняют условия. Уговорить все живое оплакивать бога сложнее, конечно, нежели не оборачиваться, но всё же имеет место быть и то и другое, — наконец подал голос Нибо.

Аид кивнул головой.

— Мы даем им в руки спасение, оттуда, откуда, казалось бы, уже не возвращаются. И они сами все это теряют. И смерть забирает поправу свое.

— Некоторые думают, что мы делаем это специально, — добавила Хель.

— Возможно, но разве отпустишь из мира мертвых душу, которая по всем правилам попала именно туда, куда должна была? Мы несем ответственность. Так что да, эта история заслуживает звания “смерть одержала победу над живым”.

Снова поднимаются в воздух стаканы. Боги пьют.

Нергал, аккадское божество, чем-то напоминающий внешностью льва, хищно улыбнулся.

— И у меня есть одна история, правда связанная не только со смертью, но и с жизнью. Потому что герой её выжил, хотя должен был умереть.

Юноша по имени Харран был назначен во время наступления вражеского племени палачом для жертвоприношения. Энлиль же был выбран жертвой. Они долго подготавливали место, сам процесс и следили за солнцем, чтобы принести жертву своему богу смерти, войны и чумы — мне.

Когда наступил час жертвоприношения, за которое племя просило пощады в битве и выигрышной ситуации, Энлиль воспротивился своему предназначению. Он схватил жертвенный кинжал бросился с ним на своего палача. Завязалась драка. Битва наступила до начертанного часа: и была среди своих же. Харран бился до последнего, но в конце концов Энлиль проткнул его насквозь, и испил его же крови, искушенный победой. Кровавая была бойня, да, но до жути прекрасная. В итоге жертвой стал тот, кто не смог одолеть своего “ягненка” — и какой же тогда из тебя палач? Мне это понравилось, и племя было благословлено. Вот она — настоящая ярость и жажда жизни, но с тем же и победа смерти над ней — ведь приговоренный к смерти убил приговоренного жить. Все сложилось не так, как они хотели, но в конечном итоге сыграло на руку людям. Никогда не чувствовал себя таким щедрым, и с тем же довольным произошедшим.

Чем больше боги говорили, тем больше Геде Нибо погружался в негу воспоминаний. Он уже не слушал остальных, их обсуждение по поводу смерти и жизни, добра и зла, побед и поражений. Он вспоминал свою историю.

В традициях Вуду существует множество правил и обрядов, но главным является стоповое правило о силе. Точнее, о растрате онной: есть Бокор — колдун, хитрец и самодумец, силы полнящие его ему не принадлежат, не собою происходит плата: Легба Каффу приглядывает за своими детьми; Хунган — жрец. Голос предков, повелитель погоды и жизни. Плата велика и годы жизни Хунгана истлевают во имя своего племени, и потому они не оставляют своего жреца. Каждый ритуал наполнен плясками и выкриками людей, они готовы отдавать и самих себя. Такова их благодарность. Но не только это различает этих двух посредников между миров. Гедо Нибо — Лоа; с трудом назвать его Богом можно, ведь что Верхние, что Нижние Лоа все они являются духами. Бывшие люди получившие бессмертие, свою работу в посмертие и свои блага. И лишь великий змей Дамбала Ведо накрывший своим животом-небом весь мир людской и заснувший навеки, лишь он есть Бог. Жрецы, они же Хунганы зовут папу Легбу — отца всех верхних Лоа, привратника мира духов. В сбитых морщинистых руках его ключи от дверей между миром людского и миром иного. Староста племени всегда чувствует своего Хунгана, любую просьбу уважит, ведь именно от него зависит благополучие их бытия. Они заговаривают погоду, следят за соблюдением почтения к мертвым. Решившись пойти по пути колдовства, поднявшись среди ночи из кровати, да бесшумно покинув скрипящий страдальчески дом; будущий Бокор уходит из деревни. Сами ноги несут его на перекрёсток дорог. Выдыхая — как вдруг изо рта клубится пар, как стало холодно — а рука тем временем в карман лезет и монету достаёт. И одним движением вверх её, ладонями схватив, сжимает в кулаке. И голос старика из-за уха спросит: *«Ну так что там, сынок?»*, вот и пришёл он к тебе. Вопросы до утра задавать: коль ответишь, понравиться ему. Будешь служить ему до конца, снабжения будет сколь надо, а дороги к дому твоему всегда путаны, да непроходимы. А вот струсил, усомнишься в желании своём, тяжко будет тебе домой возвращаться коли на ногах вместо обуви две курицы привязаны. Легба Каффу любит пошутить. Но получив от нового покровителя своего мешочек с солью и два с семенами ты возвращаешься домой. Но то не твой больше дом, ты теперь Сын не отца своего. Нет в тебе связи с племенем твоим. Летят пожитки в стёганный мешок и навсегда запирается замок.

И ведёт дорога извилистая, петляет между другими Бокорами, да деревнями где нет-нет, да находятся просьбы тёмные, боязливые. Но иначе никак, последняя надежда всегда на колдовство. Надо лишь уплатить цену, а разнится она серьезно. Коли баба' вся детьми окутанная, они на ней виснут, да с бусами играют. Просит баба' за дочь свою. Муки их семьи в пьющем муже и отце. Дом их стенает, полон болью дом их. У такой заказчицы просьба серьезна, но честность в словах её, честен и прозрачен взгляд её и отдать она готова последнюю козу. Бокор не возьмёт козу у баба' и отправит её обратно домой, а прежде всунет ей в руки освободившиеся от малышни суконный саше захрустевший от таких манипуляций. И зачадит маслянистым тяжёлым запахом. Она уйдёт тяжело переваливаясь с ноги на ногу, пока дети будут обвивать ее грузное тело в ярком платье. И дорога, которой она пришла навсегда затеряется лесами и перелесками до тех пор пока сам колдун не пожелает кому-то её отворить.

Талисман Гри-Гри это не просто мешок с различной требухой, коим выглядит он. Это создание колдовских сил, могущественных. Но обузданных и запечатанных каждый в своём символе и наполнении. Это ни что иное как подношение им, эти дары в их честь. Подношениями дышит вся связь между миром лоа и миром смертных. Боги тщеславны и в этом лоа очень на них похожи. Они любят слушать песни в свою честь, им льстит аромат хорошего виски который, испаряясь, клубами вздымается вверх к небу.

Сушеные цветы, черные петухи, шеи которых раскрывают свои алые рты, окропляя кровью раскалённый песок прежде чем лишиться головы совсем и ринуться в бегство словно околдованный. Животная кровь полна сил, ее рад испить любой лоа. Чёрные петухи на том свете не будут грустными, на том свете их храбрость ещё воспоют.

И никогда, никогда не направится сила Хунгана или Бокора против своего же соплеменника. Никогда человеческая жертва не будет для духов стоящей платой, никогда не станут они требовать человеческой крови. Это давно не в их принципах.

Однажды, в одной деревне, где давно отказались от древней черной магии и пришли в магии вуду, был главный Хунган по имени Фирун. Он использовал магию в своих интересах, обвиняя при этом во всех злодеяниях изгнанных, а вернее — своего брата Ганджу, одного из сильнейших Бокоров поселения.

И вот к Ганджу пришел гость. Человек богатый и состоятельный, бывший член их племени, но боящийся теперь потерять свое дело и разориться — близкий к этому, обратился за помощью к колдуну. Он знал, что Бокоры — изгнанные и творящие свое

собственное дело люди, которые могут согласиться на его предложение. Ведь они не просто так изгнаны, верно? Пожалуй, они смогут осуществить его просьбу.

Выслушав пришедшего, Ганджу отказался от предложения. Потому что он просил о невозможном — прийти к другой религии, давно ими забытой, к культу йоруба, и провести человеческое жертвоприношение.

“Ни один ребенок не стоит жажды власти”, — сказал Ганджу, на что его бывший соплеменник плюнул ему в ноги и скрылся.

Безумец был изгнан, но у него оставался еще один вариант. Пойти к жрецу Фируну, о котором он был наслышан, и попытаться счастья у него. Он готов был заплатить сколько угодно за свою просьбу, готов был на все.

Фирун согласился.

Его душа была черна, словно ночь, и помыслы были кровавы. Он потерял голову, сраженный собственной магией, и теперь настолько низко пал, что пришел к недопустимому. Хотя ты принимаешь других богов, ты не можешь возвращаться к ним. Тем не менее, Фирун проводит собрание, где все отказываются от безумной идеи. Прошел засушливый год и все в напряжении ожидают улучшения, но это того не стоит, это не правильно.

Хунгана это не остановило, хоть он и был в сомнениях.

На утро умерла его любимая коза, и он обвинил в этом своего брата.

“Это все твои грязные помыслы, духи пытаются тебя остановить”, — говорил ему Ганджу, но Фирун не слушал.

Ганджу до конца верил, что он остановится, но в конце концов, идя проверить братца, увидел, как тот готовится к ритуалу. А где-то вокруг играет мальчишка — его племянник, не подозревающий, что его ждет впереди.

Он бросился обратно домой и взмолился, обратившись к Барону Субботе — привратнику мертвых, тому, кто делает их голоса громче и его сыну Геде Нибо — защитнику детей и подростков, и рассказал о грядущем жертвоприношении и сумасшествии его брата. Мертвые должны оставаться мертвыми и живые не должны умирать раньше срока.

Пусть тамтамы не играют и голоса племени не восхваляют проводника между миром духов и миром живых, пускай тут нет громких песнопений и не режут черных петухов, магия Бокоров была сильна.

Костер горит, обжигая пламенем все вокруг, терпкий виски наполняет желудок и колдуну приходится подавлять желание слюнуть. Он знает, что его магия иная, все это

знают, и звуки тамтамов тем не менее идут будто бы изнутри. Он слышит мотивы — музыку, и песок, совсем влажный, становится холстом для него, и рисует он веве, вместо точек он кладет угли, вонзает посох и видит как великий змей Дамбала Ведо вьется вокруг. Он готов позволить начать ритуал.

Бокора наполняет трансовая музыка, он чувствует, как его тело начинает гореть, и как собственный дух покидает оболочку. Все разговоры происходят внутри него, он чувствует, что ему задается вопрос: *“Что тебе надо? Почему ты обратился ко мне?”*. С трудом сквозь помутненный взгляд Ганджу видит, что перед ним стоит красивый молодой юноша со светло-темной кожей, пылающей в свете огня, в элегантном костюме. Он знает, кого видит: перед ним его сын, поскольку в нем самом сейчас отец Геде Нибо — Барон Суббота. Он чувствует, как по венам течет алкоголь, но теперь он вкусен и хочется веселиться и кутить, но сначала работа.

“В жизни нашего племени происходят страшные вещи. Мой брат всегда думал о себе больше, чем об остальных и сейчас это зашло слишком далеко. Есть старая магия, от которой мы отказались: это решение было принято давно и вы знаете об этом. Мы клялись вам, но брат из собственной алчности хочет обратиться к древним богам, ради себя он хочет принести в жертву ребенка и я прошу вас не дать этому случиться”.

Ганджу все сложнее находиться в своем теле и все перед его глазами мутнеет. Все, что он слышит, прежде чем потерять себя в огне, это басистое *“да”*.

На следующее утро он находит себя в постели с девушками и понимает, что Барон Суббота повеселился, но теперь он должен найти знаки, которые ему оставили эти двое.

Он видит, что огни уже истлели и на веве лежит записка: *“Позови меня прежде чем начнется действие. Нам не нужно будет твое тело, мы придем сами. Главное — открой портал”*.

Настал час ритуала злого брата, и Бокор послушно вызвал духов вновь.

“Мало времени”, — молвил Ганджу, и Геде Нибо видел, как Барон Суббота поклонился Бокору и принял его просьбу о помощи.

“Когда ты был еще человеком, тебе никто не помог и ты стал моим сыном. Я же дам тебе волю и силу сделать то, в чем ты сам нуждался, чтобы кто-то спас тебя от убийц”, — говорит Барон Суббота Геде Нибо, и тот кивает в ответ.

Они отправились напрямик к Хунгану. Тому, кто должен помогать и защищать. Тому, кто не изгнан и не считается владельцем черной магии, тому, кто должен быть добром. Добром он не был.

Ночь была жаркой, а виски было пряным. Отец шел за ним, а небо разрывалось на части оранжевым светом заходящего солнца. Ночь вступила в силу, и услышали они песнопения другого мира и другой магии, и знали они, что боли была полна эта магия. Жара сменилась холодом. Позади жреца стоял маленький мальчик лет пяти — его собственный сын. Уже готовы были снадобья, и мальчишке оставалось только выпить «лекарство» и ритуал начался бы. Жрец подвесил бы его с отрезанными головой, руками и ногами за веревки на столбе и сливал бы с него кровь. На земле был изображён символ, готовый призвать бога другой древней религии. Ганджу потребовал его остановиться. Жрец обернулся, но сначала увидел только брата.

“Это не твое дело, Ганджу, ты не можешь быть частью наших дел”.

Геде Нибо и Барон Суббота скрывались позади и позволили Ганджу ответить: *“А разве ты имеешь право что-то делать для племени, когда ты врешь?”*

Теперь же Геде Нибо выступил вперед, а отец смотрел на него. Он опрокинул снадобья и вырвал из рук Фируна мальчика, спрятав за собой и вверя в руки Ганджу. Он оглушил жреца и тот потерянно стоял, свесив руки, а затем упал на землю, протяжно застонав.

Барон Суббота сделал шаг.

Высокий чернокожий мужчина с длинными дредами, с нанесенным белым гримом в виде черепа, раскурил сигару и выдохнул дым, который обволок Фируна.

“Как ты посмел”, — протяжно озвучил мысли Геде Нибо его отец. “Что ж. Тебе столько было дано. Значит теперь у тебя заберут все”.

Он сделал жест рукой, вновь затянувшись, и Геде Нибо улыбнулся. Он сжал руку мальчика в своей и сказал ему: *“Беги домой со своим Бокором, к матери, а я навсегда до твоего взросления буду тебя оберегать”.*

Мальчик всхлипнул и посмотрев на Ганджу, послушно зашагал с ним в сторону домов деревни, видневшейся вдалеке.

И Геде Нибо наконец окинул взглядом дрожащего у их ног жреца, и руки его задрожали от ярости. Но теперь всё кончено. Барон Суббота кивнул ему, и руки его сомкнулись на шее Фируна.

Ночь прошла, и снова стало жарко. Запели черные петухи, которые не были принесены в жертву. Люди вышли из домов и нашли скрюченное тело своего Хунгана, на котором не было живого места, и с трудом опознали его.

Многие посчитали виноватыма колдуна.

Но что мы имеем в итоге?

Не всегда под маской зла не скрыто добро, не всегда под маской добра скрыто благо.

— Так вот, получается, что смерть и жизнь неотделимы. Зло и добро существует в человеке в равной степени, главное то, что он сам выбирает, — сказал Аид, допивая свой стакан. — Был рад встретиться со всеми вами снова, друзья, но пора заканчивать. Геде Нибо улыбается, думая о том, что мог бы рассказать историю краше описывающую эту мысль, но решил промолчать, потому что слушать ему нравится больше.

Он попрощался со всеми, поклонился и направился к выходу. В тени, у входа, сидели двое и явно их подслушивали. Поймав его взгляд, человек в белом сказал:

— Ваше время на исходе, ребята.

Геде Нибо поморщился, подошел к ним и ударил ладонями по столу так, что стаканы подпрыгнули вверх.

— Вы кто? Вы нас подслушивали?

Облаченный в белое изучал какое-то свечение, которое мешало рассмотреть лицо.

Второй был в красном, с витиеватыми кручеными рогами. Они не были людьми. И были... словно олицетворением добра и зла по отдельности.

— Что вам нужно? — настаивал Геде Нибо.

Дьявол рассмеялся.